УДК 322:271.2:348.42

РАСТИМЕШИНА Т.В.

Восстановление религиозных организаций в имущественных правах и обострение противоречий между церковью и гражданским обществом в сфере охраны культурного наследия

В статье представлен анализ процесса восстановления религиозных организаций в их имущественных правах. Реституция церковного имущества влечет за собой наращивание субъектности Русской Православной Церкви в сфере охраны культурного наследия и приводит к обострению противоречий между Церковью и гражданским обществом.

Ключевые слова: гражданское общество, культурное наследие, имущественный статус, религиозные организации, реституция, Русская Православная Церковь.

С 20 января 1918 года в России никакие церковные и религиозные общества не имели права владеть собственностью и не имели прав юридических лиц. Все имущество существовавших в России церковных и религиозных обществ в 1918 году было национализировано[1]. Начало процесса так называемой «реституции»[2] имущества религиозных организаций было положено изданием Распоряжения Президента Российской Федерации от 31 декабря 1991 г. № 135-рп «О возвращении Русской Православной Церкви строений и религиозной литературы»[3]. В 1993 году Президент Российской Федерации издал Распоряжение «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества»[4], поручив Правительству РФ подготовить «поэтапную передачу в собственность или пользование религиозным организациям культовых зданий, строений и прилегающих к ним территорий и иного имущества религиозного назначения, находящихся в федеральной собственности, для использования в религиозных, учебных, благотворительных и других уставных целях, связанных с деятельностью конфессий»[5]. Во исполнение поручения Президента в 1995 году было принято Постановление Правительства РФ № 248 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения»[6]. В соответствии с этими документами Донской монастырь, храм мученицы Татьяны при МГУ, Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь в Костроме перешли в имущественное распоряжение Русской Православной Церкви[7].

Следующий этап восстановления религиозных организаций в имущественных правах начался в 2000 году, когда Архиерейский собор Русской Православной Церкви адресовал Президенту РФ В.В. Путину Послание, в котором Собор небезосновательно указывал на наличие исторической несправедливости, состоявшей в том, что «в годы лихолетья государство беззаконно изъяло у Церкви собственность, созданную трудами многих поколений верующих и, что гораздо более важно, посвященную Богу»[8].

Своего рода официальным ответом на Послание Архиерейского Собора стало принятие в 2001 году Постановления Правительства РФ № 490 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения»[9]. Последним и самым значимым шагом стало принятие Государственной Думой Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (подписан Президентом РФ и опубликован 3 декабря 2010 года).

Оценивая процесс восстановления российских религиозных организаций в имущественных правах, мы в целом разделяем позицию, что «*в самой своей идее* это восстановление является оптимальным, логичным, правовым и общепринятым (в Евросоюзе, по крайней мере) способом снятия целого ряда церковно-государственных противоречий»[10].

Однако урегулирование имущественной стороны отношений Церкви и государства, логично сопровождающееся восстановлением имущественных прав религиозных организаций, в том числе возвращением Церкви тех объектов, которые имеют статус культурного наследия, осложняет и обостряет другую сторону этих отношений. В конце 2010 года в России насчитывалось 6584 объекта культурного наследия федерального значения религиозного назначения. Из них православных объектов – 6402[11]. Все они, согласно Закону РФ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», постепенно перейдут в собственность Русской Православной Церкви. Именно принятие Закона обозначает политико-правовую точку, за которой церковно-государственные отношения в той плоскости, которые касаются использования объектов культурного наследия, превращаются во все более запутанный лабиринт.

Политико-правовой «каркас» государственно-церковного «лабиринта» составляют следующие объективные обстоятельства. Чем в большей степени укрепляется имущественное положение Церкви, тем большее количество объектов культурного наследия национального и международного значения она фактически может контролировать. И новый Закон, и Устав Русской Православной Церкви рассматривают Церковь как юридическое лицо, выступающее в качестве полновесного собственника и распорядителя передаваемых государством объектов культурного назначения. Устав Церкви, в частности, гласит: «Церковь может иметь в собственности <…> объекты <…> культурно-просветительного и иного назначения, предметы религиозного назначения, <…>, необходимые для обеспечения деятельности Русской Православной Церкви, в том числе отнесенные к памятникам истории и культуры…»[12].

При этом, согласно Уставу Русской Православной Церкви, «порядок владения, пользования и распоряжения имуществом, принадлежащим Русской Православной Церкви на правах собственности, пользования и на иных законных основаниях определяется настоящим Уставом, правилами, утвержденными Священным Синодом и «Положением о церковном имуществе». Право *распоряжения имуществом Русской Православной Церкви принадлежит Священному Синоду*»[13]. «Буква» этой нормы Устава не противоречит букве Федерального закона. Однако этот ключевой документ, регламентирующий функционирование института РПЦ, не указывает, каким образом, на основании каких принципов распорядительная деятельность Священного Синода будет обеспечивать соответствие режима использования объектов культурного наследия «требованиям законодательства Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»[14], как того требует норма Федерального закона.

Отсутствие продуманного и кодифицированного в нормативном акте механизма взаимодействия Церкви и государства в сфере охраны культурного наследия уже привело к обострению отношений религи-

озных организаций и гражданского общества в лице той его части, которая относит себя к «музейной общественности». Все последние годы она активно возражает против демузеефикации объектов культурного наследия, которая сопровождает процесс передачи религиозным организациям России имущества религиозного назначения. Так, представители «музейного сообщества» заявляют, что процесс передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения и сопутствующая ему демузеефикация объектов культурного наследия противоречат мировой (в частности, европейской) практике. В частности, в материалах, подготовленных Г. Андреевой к парламентским слушаниям от 15 сентября 2010 в Государственной Думе на тему «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», небезосновательно утверждалось, что «страны прилагают усилия по музеефикации ценных памятников и произведений, в том числе по своему происхождению или значению тесно связанных с деятельностью религиозных институций»[15].

Автор сдержанно-пессимистически относится к возможности разрешения обостряющихся противоречий в ближайшей перспективе, поскольку демузеефикацию в России приходится воспринимать как необходимое и сложное (хотя для многих и неприемлемое) следствие и одновременно условие процесса восстановления исторической справедливости по отношению к религиозным организациям и обществу в целом.

Прежде всего в свете признания репрессивно-насильственного характера самой музеефикации, осуществлявшейся в нашей стране в XX веке. Перемещение абсолютного большинства ценных предметов из церквей в музеи, музеефикация монастырских и храмовых комплексов после 1917 года в своей историко-политической основе имела экспроприацию имущества церковных юридических лиц, причем сама «музеефикация» зачастую осуществлялась варварскими методами[16]. К концу 1970-х годов в результате осуществления советской внутренней политики воинствующего атеизма число действовавших храмов в России с почти восьмидесяти тысяч сократилось до 6800. Из 1498 действовавших к 1917 году монастырей в России осталось лишь 12. Из 57 духовных семинарий, действовавших в 1914 году, остались семинарии в Загорске, Ленинграде и Одессе (в первых двух городах имелись и духовные академии)[17].

Соответственно то «единое культурно-историческое пространство, которое создавалось в нашей стране десятилетиями», упомянутое Сергеем Обуховым на обсуждении законопроекта «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», складывалось в результате осуществления политики воинствующего атеизма и сопровождалось разграблением Церкви и террором в отношении священнослужителей. В этом отношении возвращение религиозным организациям имущества и сопутствующая демузеефикация являются адекватными политическими мерами. Они демонстрируют готовность государства хотя бы отчасти компенсировать урон, нанесенный тоталитарным режимом гражданскому обществу. Эти меры в политическом отношении следует рассматривать как признаки необратимости демократизации российского общества и государства.

Следует также упомянуть, что Церковь проявляет некоторые уступки государству и обществу, в том числе той ее части, которая не приемлет возвращения религиозным организациям их имущества. Так, Русская Православная Церковь официально заявляет о том, что «*не желает претендовать на весь объем* собственности, бывшей в ее распоряжении в течение того или иного исторического периода»[18], и заверяет, что она «не намерена поднимать вопрос о реституции»[19]. Действительно, полноценная и полномасштабная реституция церковного имущества, которая осуществляется в странах Восточной Европы, стала бы непосильным обременением для Российского государства и общества.

Кроме того, Церковь практически примирилась с обстоятельством, что на де-

музеефикацию движимых объектов государством фактически наложен мораторий. Еще в 1996 г. в России был принят Закон «О музейном фонде и музеях в РФ», согласно которому все объекты, которые можно было бы расценивать как движимое имущество Церкви: иконы, церковная утварь, раки с мощами святых, – не подлежат отчуждению, передаче Церкви и демузеефикации. В настоящее время Церковь лишена возможности контролировать хранение и использование своих реликвий. «Поле» наиболее обостренной конфронтации Церкви и музейного сообщества создается вокруг икон. Так, в 2008 году после того как дирекция Третьяковской галереи выразила готовность передать икону А. Рублева «Троица ветхозаветная» для праздничного богослужения в Троице-Сергиеву лавру, работники музея выразили резкий протест и при поддержке представителей прессы помешали передаче[20].

Мы далеки от того, чтобы признать правоту одной из сторон. Мы также признаем, что механизм разрешения противоречий должен стать предметом длительной работы многосторонней экспертной комиссии. В рамках настоящей статьи мы лишь отмечаем небеспочвенность притязаний Церкви на ту часть объектов культурного наследия, которая не подлежит демузеефикации.

Мы полагаем, что в нынешней политико-правовой ситуации общество и государство будут вынуждены *сначала* возмещать урон, нанесенный Церкви «в годы лихолетья», возвращая «собственность, созданную трудами многих поколений верующих и, что гораздо более важно, посвященную Богу»[21], причем даже ценой ее демузеефикации. Хотя бы в том ограниченном объеме, о котором сегодня идет речь. В свою очередь, Церковь должна примириться с неполноценностью и некоторым «лукавством» реституции, а также противодействием со стороны музейного сообщества и части общественных сил. Одновременно Церковь будет вынуждена доказывать свою дееспособность и законопослушность в отношении сохранения культурного наследия. Лишь затем – вторым этапом, начало которого пока даже не проглядывается, – общество и государство сможет инициировать начало процесса добровольного и полноценного сотрудничества с религиозными организациями в области музеефикации.

Таким образом, поскольку мы находимся лишь в самом начале этих процессов, стороны еще не проявляют готовности к конструктивному диалогу, а для этого диалога еще не созданы достаточно крепкие политические и правовые основания, мы скептически расцениваем возможность скорого «выхода» из церковно-государственного лабиринта.

«Лабиринт» запутывается в силу того, что значительная часть так называемого «музейного сообщества» оказывает противодействие восстановлению имущественных прав Церкви, не признавая даже на словах ни репрессивного характера осуществленной когда-то музеефикации, ни двойственного и неполного характера реституции, односторонне апеллируя к тому, что в России хранение в музеях церковных ценностей до сих пор являлось исключительно реализацией «миссии культуры и музеев, как одной из важнейших культурных институций, – служение делу мира, популяризация истории мировой цивилизации, всемирного и национального наследия без разделения его по конфессиональному признаку» [22].

В свою очередь, пока Церковь лишь ожидает возвращения большей части имущества, но уже выказывая отсутствие внутренних финансовых и управленческих ресурсов для адекватного «сопровождения» процесса демузеефикации. Более того, неспособность Церкви обслуживать (в соответствии с принципами охраны культурного наследия) некоторую часть полученного имущества безвозвратно лишает общество части памятников культуры. Тем самым религиозные организации «льют воду» на мельницу оппонентов, утверждающих, что «музефицированные ансамбли-монастыри сегодня остаются единственной институцией, способной защитить особо ценные объекты национальной культуры», как заявляла директор музеев Московского Кремля Е. Гагарина на парламентских слушаниях[23].

Таким образом, при рассмотрении только одного аспекта отношений Церкви и государства в сфере охраны культурного наследия – имущественного – мы обнаружили все основания для вывода, что в этой сфере имеет место эскалация конфронтации сторон, в проигрыше от которой оказывается все российское общество, заинтересованное в конструктивном сотрудничестве для обеспечения охраны культурного наследия и доступа к нему всех желающих.

Таким образом, вести речь о музеефикации и достижении консенсуса по этому вопросу между общественностью и религиозными организациями следует *после* восстановления религиозных организаций в их имущественных правах. Только *после* этого будет и справедливо, и продуктивно опираться на опыт западных стран. Тем более, что ряд стран имеют и опыт реституции[24] церковных ценностей, который свидетельствует, что возвращение имущества Церкви является единственным путем, посредством которого снимаются церковно-государственные противоречия и тем самым создается базис для поиска дальнейшего консенсуса по вопросу эксплуатации культурного наследия, в частности его музеефикации.

Кроме того, музеефикация (в тех странах, где она имеет место) базируется на взаимных договоренностях государств и религиозных организаций, условием достижения консенсуса всегда является добрая воля, проявляемая Церковью. Иными словами, в большинстве стран Церковь проявляет готовность идти на уступки гражданским обществам и государствам, предоставляя невоцерковленным гражданам возможность приобщиться к культурному наследию. Государства и местные власти, в свою очередь, создают необходимые для этого экономические и политические условия.

[1] Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» //СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263

[2] Реституция (лат. restitution) – 1) восстановление поврежденного органа или ткани до нормального состояния; 2) восстановление в прежнем правовом положении. Словарь иностранных слов /под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. 804 с. С. 653.

Несмотря на то, что термин активно используется журналистами, он не вполне корректен для обозначения рассматриваемого в статье процесса. Ключевой смысл реституции — в полноте возмещения; законы, регулирующие реституцию в других странах, специально оговаривают, что при невозможности вернуть товарные ценности в натуральном виде возвращается хотя бы их стоимость в денежном выражении. На наш взгляд, более точным для обозначения идущих в России процессов был бы термин «имущественное отделение» Церкви от государства, раскрывающий не только имущественную, но и политическую сущность процесса.

[3] Распоряжение Президента РФ от 31 декабря 1991 года «О возвращении Русской Православной Церкви строений и религиозной литературы» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 3. Ст. 97.

[4] Распоряжение Президента РФ от 23 апреля 1993 г. № 281-рп «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества». [Электронный ресурс] // Интернет-портал RUSPRAVO [сайт]. [2008]. URL: http://ruspravo.org/sport-rasp/12.html (дата обращения: 23.08.2011).

[5] Там же.

[6] Постановление Правительства РФ от 14 марта 1995 года № 248 «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения» // СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1059.

[7] Родин И. РПЦ хочет стать полноправным собственником. Получить свое имущество церковь согласна с существенными оговорками // Независимая газета. 2009. 3 июля. С. 4.

[8] Письмо Юбилейного Собора Его Превосходительству Владимиру Владимировичу Путину Президенту Российской Федерации // Православие и жизнь. 2000. № 2. С. 2.

[9] Постановление Правительства РФ от 30.06.2001 № 490 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения» // СЗ РФ. 2001. № 28. Ст. 2889.

[10] Саввин Д. Церковно-государственный лабиринт. Подводные камни на пути реституции церковного имущества //АПН Северо-Запад. 2010. 29 января. С. 3.

[11] См.: Коробов П. Как церковь возвращала утраченное. История вопроса //Коммерсантъ. 2009. № 32/В (4087). С. 3.

[12] См.: Устав Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] //Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Партиархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419782.html (дата обращения: 23.08.2011).

[13] Там же.

[14] Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» //Российская газета. 2010. 3 декабря.

[15] Андреева Г. Музеи и памятники религиозного искусства. Международные нормы и опыт /Материалы, подготовленные к слушаниям в Государственной Думе на тему «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» от 15 сентября 2010 [Электронный ресурс] //Научно-просветительский журнал «Скепсис». - URL: http://scepsis.ru/tags/id_73.html (дата обращения: 19.07.2011).

[16] В 1918 г. Реликвии Кремлевских храмов были использованы для выплаты контрибуции по заключенному 3.03.1918 г. Брестскому миру с Германией (при этом стоимость ценностей из реквизированной ризницы Успенского собора определялась их весом). На основании Декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей от 23.02.1922 г. в Гохран перемещались церковные ценности из кремлевских церквей и монастырей, в том числе и из Успенского собора. Согласно Общей описи ценностей, изъятых из Успенского собора, только в апреле 1922 г. было передано в Гохран 13 ящиков (67 пуд. 2 ф. 31 зол. серебра), к которым 9 сентября того же года добавилось еще 9 пуд. серебряного «лома», состоявшего из 17 лампад, серебряной раки Патриарха Гермогена и большого серебряного подсвечника, сделанного по рисунку Васнецова. См.: Емельянов Н. Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 г. // Богословский сборник / ПСТБИ. М., 1999. Вып. 3. С. 258–274.

[17] Архипов А. Апофеоз бессмыслицы. Никакой реституции собственности РПЦ не происходит, да и не может происходить //Частный корреспондент. 2009. 8 мая. С. 3.

[18] Письмо Юбилейного Собора Его Превосходительству Владимиру Владимировичу Путину, Президенту Российской Федерации // Православие и жизнь. 2000. № 2. С. 3.

[19] Алексий II подтвердил, что РПЦ не требует от государства возврата церковного имущества [Электронный ресурс] //Интернет-портал NEWSru.com. Религия и общество. [2008]. URL: http: //newsru.com (дата обращения: 23.08.2011).

[20] См.: Сотрудник Третьяковки призвал блогеров защитить «Троицу» Рублева [Электронный ресурс] //Интернет-портал Лента новостей. – URL: http://lenta.ru/articles/ (дата обращения: 19.07.2011).

[21] Письмо Юбилейного Собора Его Превосходительству Владимиру Владимировичу Путину, Президенту Российской Федерации // Православие и жизнь. 2000. № 2. С. 3.

[22] Андреева Г. Музеи и памятники религиозного искусства. Международные нормы и опыт /Материалы, подготовленные к слушаниям в Государственной Думе на тему «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» от 15 сентября 2010 [Электронный ресурс] //Научно-просветительский журнал «Скепсис». – URL: http://scepsis.ru/tags/id_73.html (дата обращения: 19.07.2011).

[23] См.: Материалы слушаний в Государственной Думе на тему «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» от 15 сентября 2010 [Электронный ресурс] //Научно-просветительский журнал «Скепсис». – URL: http://scepsis.ru/tags/id_73.html (дата обращения: 19.07.2011).

[24] Так, в Германии после поражения во второй мировой войне было возвращено все конфискованное имущество католической и протестантской церквей, включая и произведения церковного искусства. В епархиях были созданы диоцез-музеи (епархиальные хранилища), в которых помещено все имущество церквей, по разным причинам не нашедшее еще своих владельцев.